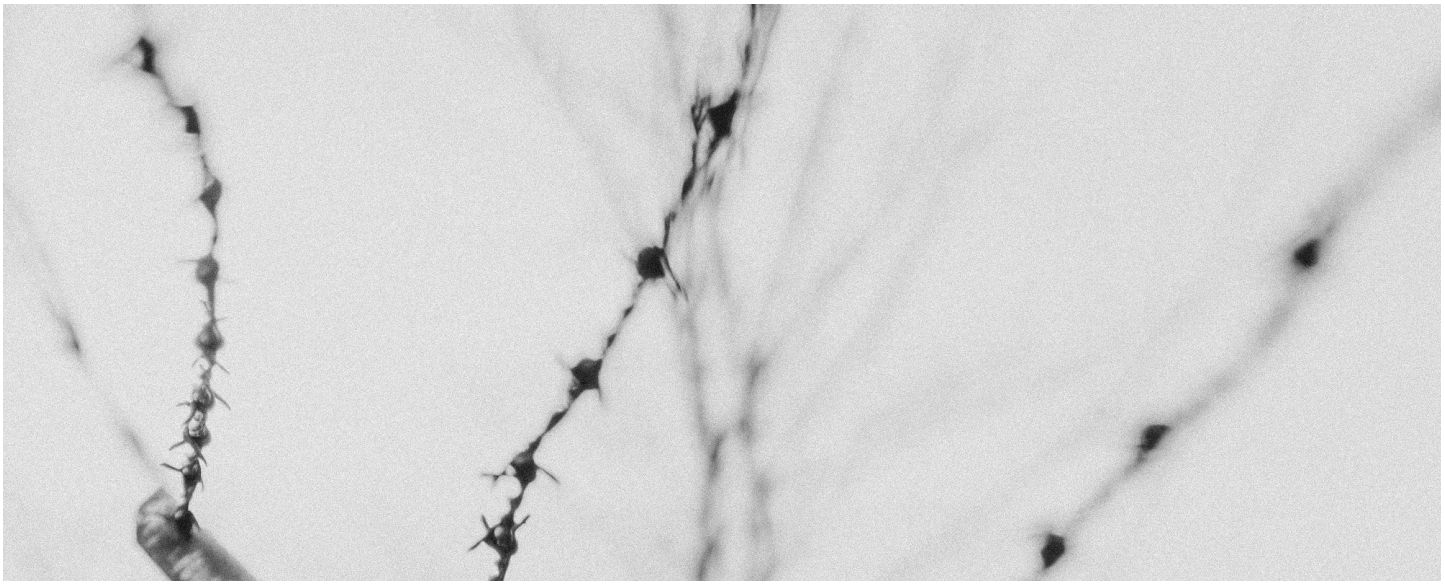

Фото: Morgan Vander Hart / Unsplash

20.05.2020, 17:50 Вся Россия СТАТЬИ

«Нашу контору можно считать братской могилой»: СИЗО и колонии во время коронавируса

В середине мая ФСИН признала 617 случаев заболевания COVID-19 среди сотрудников и 145 — среди осужденных. С 16 марта во всех российских колониях и СИЗО запрещены свидания, остановлен прием посылок и передач. Большинство московских СИЗО перестали принимать арестованных, их сотрудники работают сменами по две недели. Марина Васильева поговорила с политзаключенными о том, как изменилась их жизнь с началом пандемии.

О том, что в российских СИЗО и колониях «заразятся почти все», правозащитники предупреждали еще до появления первых случаев и предлагали освободить осужденных по нетяжким статьям, как это делали в других странах. Amnesty International направила российским властям письмо с требованием освободить часть заключенных «для предотвращения потенциальной катастрофы», в первую очередь — узников совести. В организации отметили, что как минимум 9 тысяч из 519,6 тысяч содержащихся под стражей в России — старше 60 лет, у еще большего числа серьезно подорвано здоровье.

«У всех заключенных ослаблен иммунитет (они живут без витаминов и солнца, а у многих людей еще ВИЧ, туберкулез и другие болезни), — писала бывшая член ОНК Санкт-Петербурга Яна Теплицкая 16 марта. — Так что процент тех, кому потребуется аппарат вентиляции легких, будет выше среднего (каждому двадцатому?) Реанимация — это, видимо, гражданская больница. Для вывоза заключенного в гражданскую больницу требуется четыре конвоира: все время, пока заключенный находится в больнице, эти четыре человека должны быть в его палате или рядом. Это значит, что большинство таких людей никуда не повезут и они просто умрут».

ФСИН долго отрицала случаи заражения в системе, затем уверяла, что все они — нетяжёлые. От амнистии — даже не связанной с коронавирусом — российские власти решили отказаться. Сами заключенные, с которыми общался ОВД-Инфо, считают, что пережить эпидемию им еще только предстоит.

ЮРИЙ ДМИТРИЕВ

(отвечает через сервис «ФСИН-письмо»)

Дмитриев — 64-летний историк и глава карельского «Мемориала». Его обвиняют в насильственных действиях сексуального характера (статья 132 УК) в отношении его приемной дочери. ОВД-Инфо получил ответ Дмитриева 24 апреля. 30 апреля в СИЗО, где он содержится, обнаружен коронавирус — у двух этапированных из Ленобласти заключенных.

[class^="tooltip"] { position: relative; border-bottom: 1px dashed #F04E23; cursor: pointer; } [class^="tooltip"]:after { opacity: 0; visibility: hidden; position: absolute; content: attr(data-tooltip); padding: 6px 10px; top: 1.4em; left: 50%; -webkit-transform: translateX(-50%) translateY(-2px); transform: translateX(-50%) translateY(-2px); background: grey; color: white; white-space: pre-wrap; z-index: 2; border-radius: 2px; font-size: 14px; line-height: 20px; -webkit-transition: opacity 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1), -webkit-transform 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1); transition: opacity 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1), -webkit-transform 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1); transition: opacity 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1), transform 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1); transition: opacity 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1), transform 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1), -webkit-transform 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1); } [class^="tooltip"]:hover:after { display: block; opacity: 1; visibility: visible; -webkit-transform: translateX(-50%) translateY(0); transform: translateX(-50%) translateY(0); } .tooltip--left:after { top: -4px; left: 0; -webkit-transform: translateX(-112%) translateY(0); transform: translateX(-112%) translateY(0); } .tooltip--left:hover:after { -webkit-transform: translateX(-110%) translateY(0); transform: translateX(-110%) translateY(0); } .tooltip--right:after { top: -4px; left: 100%; width: 320px; -webkit-transform: translateX(12%) translateY(0); transform: translateX(12%) translateY(0); } .tooltip--right:hover:after { -webkit-transform: translateX(10%) translateY(0); transform: translateX(10%) translateY(0); } .tooltip--triangle:before { content: ''; width: 0; height: 0; border-left: solid 5px transparent; border-right: solid 5px transparent; border-bottom: solid 5px grey; opacity: 0; visibility: hidden; position: absolute; -webkit-transform: translateX(-50%) translateY(-2px); transform: translateX(-50%) translateY(-2px); top: 1.1em; left: 50%; -webkit-transition: opacity 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1), -webkit-transform 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1); transition: opacity 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1), -webkit-transform 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1); transition: opacity 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1), transform 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1); transition: opacity 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1), transform 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1), -webkit-transform 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1); z-index: 3; } .tooltip--triangle:hover:before { display: block; opacity: 1; visibility: visible; -webkit-transform: translateX(-50%) translateY(0); transform: translateX(-50%) translateY(0); }

Юрий Дмитриев дома, 2018 год / Фото: Анна Артемьева для «Новой газеты»

Вначале мы относились к пандемии со смехом, но потом поняли, что это серьезно. Теперь посылки, передачи и свидания запрещены вообще. Естественно, «приварок» к скромному тюремному обеду стал скуднее: в магазине СИЗО неширокий ассортимент товаров, нет хороших колбас, сыра и кофе.

Большинство следственных действий не проводятся, исключение — только сверхсрочные, когда сроки поджимают. Медпомощь — это только местная санчасть, для обследования в другие медучреждения вообще не вывозят. Но библиотека, прогулки, баня — это все по распорядку, без изменений. Стали давать дезинфицирующие средства для уборки в камере, сотрудники все в масках, кое-кто и в перчатках. После всех телефонных переговоров трубку телефона протирают дезинфицирующим средством, прогулочные дворики дезинфицируют.

Что думают о коронавирусе сотрудники СИЗО — не знаю, разговаривать им с нами не велено. Между собой делимся информацией, полученной от родственников и друзей,

но понятно, что если вирус не победят в самое ближайшее время, станет совсем тревожно.

Мы заложники замкнутого пространства, один-два случая заражения — и нашу контору можно считать братской могилой. ИВЛ-ов нам не завезли... Я думаю, что сейчас судам следует закрывать людей только уж по совсем «злодейским» статьям, а прочую мелочь держать на подписке [о невыезде], не перегружать СИЗО. Скорее всего, за пандемией последует социальный катаклизм. Ну, это когда «верхи не могут, а низы не хотят».

АЗАТ МИФТАХОВ

(ответы переданы адвокатом Светланой Сидоркиной)

Мифтахов — 27-летний аспирант мехмата МГУ. Обвиняется в нападении на офис «Единой России» в 2018 году (тогда неизвестные разбили окно офиса и кинули внутрь файер, никто не пострадал). Мифтахову вменяют хулиганство группой лиц по предварительному сговору (статья 213 УК) и незаконное изготовление взрывчатых веществ (статья 223.1 УК). Под стражей с февраля 2019 года, сейчас в СИЗО-5 в Москве.

Азат Мифтахов на суде по продлению ареста, июнь 2019 года / Фото: Виктория Одиссонова для «Новой газеты»

О коронавирусе как таковом мы узнали из средств массовой информации. Но мы узнали сначала о коронавирусе в Китае и не предполагали, что это затронет весь мир и нашу страну. Конкретно нас это затронуло только когда начались изменения в нашем сложившемся укладе жизни — запретили свидания с родственниками, передачи. Рацион питания не изменился, кормят нормально. Доступ к бане тоже — все в штатном режиме.

Сейчас больше проводится дезинфекция общих помещений, изменился распорядок дежурства сотрудников — они меняются спустя две недели, сотрудники используют спецсредства (маски и перчатки), реже приходит библиотекарь, ассортимент продуктов и других предметов первой необходимости в магазине теперь нерегулярно пополняется, свидания с адвокатами через стекло. Адвокаты потешно одеты (в некоторых московских СИЗО защитникам выдают перед входом костюмы химзащиты — *ОВД-Инфо*).

И я, и сокамерники волнуемся относительно вероятности распространения коронавируса на СИЗО и колонии. Если это произойдет, мы все моментально заболеем, у нас ослабленный иммунитет. Я сужу по себе — осенью прошлого года я переболел обычным гриппом и не мог вылечиться целый месяц, тогда как на воле я вылечивался обычно за несколько дней. Но на данном этапе, я полагаю, делается все возможное, и если сотрудники, приходящие на дежурство, не заболеют, то будем здоровы и мы.

ВИКТОР ФИЛИНКОВ

(отвечает общественная защитница Женя Кулакова)

Филинков — 25-летний фигурант дела «Сети», подозревается в участии в террористическом сообществе (статья 205.4 УК). Виктор — антифашист и левый активист, работал программистом в Санкт-Петербурге. С января 2018 года находится под стражей, сейчас — в СИЗО-3 в Санкт-Петербурге.

Виктор Филинков на заседании, 4 июня 2019 года / Фото: Давид Френкель

Витя говорит, что не помнит, как узнал о коронавирусе. Про ограничительные меры сотрудники ничего не объявляли — он узнал от защитников. На вопросы о том, ждал ли каких-то изменений и думал ли об опасности, у меня записаны его ответы: «нет» и «нет».

Витя содержится в СИЗО-3 ФСИН России, там с 17 марта приостановлены на неопределенный срок свидания с родственниками. Также уменьшилось число звонков (не очень понятно, с чем это связано, но водить на звонки стали реже — теперь только два раза в месяц). Со 2 апреля приостановлен прием передач и посылок. Заключенные два раза в месяц могут заказывать себе еду в интернет-магазине «a-u-e.ru».

Доступ адвокатов и защитников со 2 апреля — только при наличии у них масок, бахил и перчаток. Свидания с защитниками проходят в комнате для краткосрочных свиданий через стекло. В СИЗО-3 такая комната одна. С конца апреля в пятницу введен санитарный день, адвокатов в СИЗО не пускают, в связи с этим очереди стали больше и сложнее попасть к подзащитным (но все же ситуация не настолько плохая, как, например, в питерских «Крестах», где сейчас запись уже только на конец мая). Все эти ограничения — на неопределенный срок до особого распоряжения.

Никаких изменений в распорядке дня в Витином СИЗО нет. Каких-то особых процедур, санобработки, замеров температуры — не проводится. В апреле ни разу не было обыска в камере, но непонятно, связано ли это с карантинными мерами или с чем-то другим.

Еще на Пасху в этом году не приезжал священник и не дарил зекам куличик и яйцо. В прошлом году Вите за то, что он хоть и атеист, но сын божий, досталось красное яйцо, а его соседу за то, что он мусульманин — зеленое.

В связи с тем, что нет передач, приходится есть баланду. По словам Вити, «она ужасная, никакущая». Продукты в интернет-магазине все «категории Б», низкого качества, ассортимент маленький, белковой пищи мало, все дорогое, причем по ценникам на фруктах видно, что их закупают в «Ленте» по одной цене, а продают в магазине уже в полтора-два раза дороже.

Доступ к библиотеке, прогулкам остался прежним, но изменился доступ к медицине — сотрудники говорят, что все выезды к врачу, а также приход врача в СИЗО невозможны из-за карантина. Сами сотрудники носят маски и перчатки от случая к случаю — возможно, по личной инициативе. В основном ходят без них.

Добиться медицинской помощи и раньше было трудно: недавно нам удалось получить наконец заключение по результатам проведенного в марте МРТ-обследования, из него следует, что у Виктора межпозвоночная грыжа поясничного отдела позвоночника размером до 3,5 см. В такой ситуации может потребоваться операция. Мы запросили в суде разрешение на допуск врача в СИЗО и будем пытаться организовать осмотр Виктора, что в условиях карантинных мер может быть проблемой, но пока ждем ответа из суда. 24 апреля Виктору в СИЗО вызывали скорую — у него были сильнейшие головные боли с тошнотой и рвотой, их причина неизвестна. Боли в пояснице у Виктора длятся уже год. Более двух лет болит спина в грудном отделе — начала болеть сразу после пыток. Есть несколько сколотых зубов, но стоматологические лечение и до карантина заключалось только в том, что больной зуб удаляли.

НИКИТА ЧИРЦОВ

Никита Чирцов — 22-летний программист и предприниматель, фигурант «московского дела». По версии следствия, на акции 27 июля он толкнул

полицейского. В декабре Чирцова приговорили к году колонии общего режима, признав виновным в насилии к представителю власти (статья 318 УК). По итогам апелляции срок сократили до 11 месяцев. Никиту освободили из СИЗО-1 в Курской области 20 апреля 2020 года.

Никита Чирцов / Влад Докшин для «Новой газеты»

О коронавирусе я узнал из писем и радио. Информации было немного, я не понимал, что это такое. Поэтому как-то не задумывался об опасности. В это время я находился в Курском СИЗО, там запретили свидания с родными и передачки с воли. Мы стали больше питаться баландой и заказывать продукты в магазине СИЗО.

Сотрудники носили маски. Нам они поведали, что в мире гуляет вирус, и рассказали, какие в связи с этим вводятся ограничения в СИЗО. Также раздали маски и сказали надевать их, когда выходим из камеры.

Сокамерники в основном переживали из-за переноса судов в связи с карантинными мерами. Хотели поскорее осудиться и уехать в колонию. Слухов и шуток

[о коронавирусе] не припомню, не было, наверное — мы просто хотели, чтобы эта эпидемия поскорее закончилась и все вернулось на круги своя.

Еще в феврале мы [чем-то] переболели всей камерой. Был сильный кашель, у одного еще температура небольшая. Но не думаю, что это был коронавирус, так как в то время в Курске еще не было выявленных случаев COVID-19. Ну, кто знает... Таблетки давали какие-то ребятам. У меня само прошло. Я вообще легко отделался.

А вот домой добираться было действительно непросто. Путь мой лежал через Москву. По приезду получил электронный пропуск и доехал на такси до аэропорта. Откуда уже улетел домой. Так что в Москве особо не задержался. Опасался все-таки заразиться. А как домой прилетел, еще и на самоизоляцию сказали сесть на две недели, потому что прибыл из региона с неблагоприятной обстановкой.

Мне еще в Курске волонтерка, которая меня встретила и помогла с логистикой, вкратце рассказала о том, что происходит. Но все же весомую часть информации я уже дома нагуглил. Благо времени было полно в четырех стенах да с долгожданным интернетом.

ВЛАДИСЛАВ СИНИЦА

(отвечает адвокат Денис Тихонов)

Владислав Синица — фигурант «московского дела», осужден на пять лет лишения свободы за «возбуждение ненависти» из-за твита о детях силовиков. Владислав родился в 1989 году, работал менеджером, вел блог под псевдонимом «Макс Стеклов». Сейчас отбывает наказание в ИК-2 в Костромской области.

Владислав Синица / Фото: Влад Докшин для «Новой газеты»

16 апреля 2020 год Владислав Синица сообщил, что в настоящее время случаев заболевания коронавирусной инфекции в учреждении нет — во всяком случае, не диагностировано. Рацион в связи коронавирусом не изменился, но в магазине ФСИН отсутствуют фрукты, лимоны, чеснок. В казенном рационе они тоже отсутствуют.

Информация о коронавирусе поступает в СИЗО из телепередач, Владислав ужасается некомпетентным действиям властей в части организации пропускного режима в метро (15 апреля в метро Москвы собрались очереди из-за проверки пропусков — *ОВД-Инфо*) Высказал суждение о том, что они находится в более защищенном от инфекции месте, чем московское метро, «охраняемое» сотрудниками полиции.

Владислав считает, что в связи с плотным расположением осужденных в бараках, если коронавирус проникнет в учреждение, то неизбежно заразятся все. Осужденные контактируют и в бане, и в столовых, и при производстве

работ. Сотрудники носят маски не всегда, а перчатки и вовсе не носят.

Возраст большинства осужденных — от 30 лет, это жители Москвы и соседних регионов. У многих пожилые родители, за которых они переживают. Опасаются, что если недуг коснется семьи, они ничего не смогут своевременно узнать и предпринять. Все надеются на амнистию и скорейшее освобождение, в том числе в связи с обстановкой вокруг распространения коронавирусной инфекции.

Ещё почитать

14.08.2025 Мордовия

Историка Юрия Дмитриева отправляли в ШИЗО на 13 суток из-за того, что он сел на постель